

МОЕЙ МАТЕРИ

I

Я из молитвы матери иду,
Слова забыв, к великому стыду.
В каком году оплачу, отпирую,
Освобожу сорочку роковую...
Освобожу, но ближе не найду.
Никто не знает по моей вине
Твоей судьбы, доверенной стерне
Осеннего, тускнеющего луга.
Ты — кровь моя, советчица, подруга —
Пойди назад, вернись, поведай мне
Молитву сильной матери моей,
Однажды победившей страх распада
И вынесшей на голоса людей
Молитвою разбуженное чадо.

Древней памяти нележки.
 Детской памяти нележки.
 Ожиданье — сильней печали.
 Материнские каблуки,
 Материнские каблочки
 На планете моей звучали.

На пороге кровных домов,
 На пороге кровных обид,
 В ясной горнице сострадания
 Чаще сердце моё поёт,
 Чище сердце моё звучит...
 Каблочки — полсна... до свиданья.

На пути и время звенит.
 Не кори отчуждённых лет,
 Дней с расширенными зрачками.
 Подтверждается мой зенит,
 Оглашается мой рассвет
 Материнскими каблочками.

Мама! Ты только не смей
 Зря горевать над годами.
 Стаи твоих голубей
 В долгое небо взлетали.

Плавно кружились они.
 Ты узнавала с волнением:
 Ясные разные дни —
 Радужное оперенье.

Мама! Ты только не смей,
 Шаль закусив ненароком,
 Пересчитать голубей,
 Не прилетевших до срока.

Пусть навсегда, до зари,
 Встречу с разлукой мешая,
 Кружат твои почтари —
 Белая стая большая.

Умой с уголёчка, умой с уголька
 Сыночка, сына бесталанного.
 Утешусь покоем, прохладой платка.
 Платочка льняного, туманного.
 Далёкую подлую ночь не вини.
 Деревья-то — в царственном инее.
 Умой поскорее: не помню родни
 И прежнего славного имени.
 От сглаза до сглаза дорогой одной
 Идём. Ни огня, ни оказии.
 А голос берёзой дрожит за спиной:
 — Ребёнка! Ребёночка сглазили.

Чужая метель повалила плетень.
 И что же? Сопьются? Повесятся?
 Умой поскорее на радостный день —
 Последние звёздочки светятся.

Безотцовщина — мать родная, —
 Руки на спину закути.
 Безотцовщину коротая,
 Злобу юную укроти.
 Безданёжная безотцовщина
 Молью точена, водкой порчена.
 Правда, слёзыньки не текут.
 А на сердце, за пазухой отчима,
 Чёрствый пряник завёрнут в кнут.

Безотцовщиной называли
 На миру и в родне меня.
 Не жалеючи, накрывали
 У семейного у огня
 Стол широкий, по-русски щедрый.
 И вольготно чудил, смеясь,
 К общей радости милосердной,
 Безотцовства удельный князь.

А на скатерти всё краями
 Петухи поют о своём...
 Я сижу на коленях маминых
 С безотцовщиною вдвоём.

Я тебя, сыночек, баловала.
 Баловала не скупю, не мало.
 Долгое счастье сулила.
 Душу надеждой смутила.

Плакала прятка всю ночь.
 Выткала счастье сыночку.
 Долю, просторную долю,
 Впору широкому полю.

— Ах, зачем ты меня, мама, баловала?²
 Баловала, себя забывала.
 Песни заветные пела,
 Руки замёрзшие грела.
 — Ах, зачем ты меня, мама, баловала?²
 На беду мою родным называла.²

ИЗ ЛАМАРТИНА

Людмиле Гладковой

Напиток радости — красней
 Стыда невинности твоей.
 Безумец-смертный мыслит лживо.
 И слово — бедная пожива.
 Шепчи Солима по слогам,
 Звук арфы падает к ногам.
 Под эхом вечного Фавора
 Сион трепещет, пепл кружит,
 И пальма старая дрожит,
 И голос старца из Сигора:
 — Все — у фонтанов на часах.
 Телесней тени на глазах.
 Бормочут волны, спит голубка
 На дне серебряного кубка.
 Привычной нежности тщета,
 И роз, и лилий — нищета.
 Господь слышней и тем, и этим.
 За Аквилонем мчит Борей,
 И листья ржавые, скорей
 Всего, весною не заметим.
 Жизнь нынешнего очага
 Огням грядущим дорога —
 Дороже почестей и славы.
 Судьба не избежит оправы.
 Красней, невинница, алей,

Уст молчаливых не жале́й,
Губ ненасытных, говорящих
За пращуров, покойно спящих.
На звон мальчишеского вздора
Проснётся гордая Аврора.

* * *

Она была завтра. Наверно, сейчас.
— Сейчас, подожди, сейчас.
Она была новым рассказом о нас.
Жива. И не сводит глаз
С лица твоего, моего лица.
— Сейчас, подожди, сейчас.
Вокруг никого. И свет не угас
Светца моего сейчас.

О! Сколько имён у любви моей!
— Сейчас, подожди, сейчас.
И яблоч, и звёзд у моих коней...
Поздней расскажи о нас.
Наверно, сейчас было завтра для нас.
Песни не пробил час.
Не подобрать под губы её...
Поцеловал! И не спас!
— Сейчас, подожди, сейчас.

* * *

Последний кузнечик великого лета
Бессменно чудит на груди у поэта.
На сердце возляжет, под локоть прыгнёт.
Последний кузнечик о счастье поёт.
Пусть некому счастья отдать, отрешиться
От жизни безумной!
Лишь можно лишиться
Великого лета, просторной груди...
Кузнечик, под утро меня разбуди.
Сыграй, бедолага, проснись, дорогой!
И с дивною скрипкой пляши под рукой.
Открыта ладонь, и пять пальцев — рабы
Завещанной и бескорыстной судьбы...
И звёздочка к солнцу проложит дорожки,
И Пушкин устало попросит морошки...
Великое лето любви и вины.
Кому мы нужны? Никому не нужны!
Зачем же собрата тревожит поэт?
Зачатие песни — рождение на свет.

СТРАСТЬ ЭМИГРАНТА

Что ты скажешь вечерним отливам,
На пустое свиданье придя?
В бессердечную пору дождя
Не везёт старикам похотливым.
— Не везло молодым и счастливым
Никогда, — скажешь, чуть погода.

Что откроешь вишнёвым губам
Ранней женщины, проданной, чтобы
Невесёлой России сугробы
Подползли к пограничным столбам?
— Не забудется имя зазнобы.
Что ты скажешь всетравью земли,
Будоража проклятое тело?
— И любовь отыскать не смогли,
И любовь узнавать не хотела.
Повстречались и вновь побрели.

Ты отпустишь её, не вкусив,
Не изведав ни взгляда, ни лона?
Трудно выдержать светлый мотив
Непреклонно,
Всех прощая, себя не простив.

Чем жемчужина первой строки,
Чёрный бархат последнего слова
Освещают из мира иного?
Как же мы от любви далеки!
От её всемогущего крова!
Беспощадная нежность сурова.
Поцелуи — и те нележки.

* * *

Жене

«Превратила всё в шутку сначала...»

А. Блок

Не присвою озноба и жара.
Одолеет небесная хворь.
Жмётся к лесу красивая пара:
— Хвоя, хвоя, я суженый твой.

Не тревожа слепое приятье,
Замолчу о себе налегке.
Плачь о лёгком испорченном платье,
Передаренном перстеньке.

Утоли, уязви, отведи-ка
Злую верность. По чьей же вине
Чужеданная земляника
Ослепляет в кочующем сне?

Тягость свадебного обряжания
И тягучесть законных ночей.
От обиды до обожания
Неизменный сверкает ручей.

Зачерпну и слезами умоюсь.
Затопчу огневые цветы.
Постарею, умру, успокоюсь...
Чудом вздрогну: «Любимая, ты?»»

Ты лучами забытые тени
Опускаешь на сердце моё.
В безымянном безудержном теле
Бьётся хвойных вершин забытьё.

* * *

NN

Качайся, сердце, на верёвке,
На нитке шёлковой трясись
От взгляда ласковой ворожки
И, зависая, не завись.

Растопчет праздничную слякоть,
Изрежет острым каблуком
Судьбой надорванную мякоть,
Чуть отдающую дымком.

Поставь надёжную запруду.
Пустое время проводи.
Тебя люблю. Тебя забуду.
Чужому дитяtko роди.

* * *

Почему на площадках весёлых
От тревожащих сил вдалеке
Не люблю я девиц полуголых,
Вида девочку в белом платке?

То ли смерть забрела ненароком?
То ли жаждет девчонка сказать
В ожерелье — жемчужины окон
Белым светом, платочком связать. —

Тихой прядью, бессонною нитью,
Не страшась и волшебных очей,
Ни мечты, ни любви, ни соитью,
Не иным продолженьям речей.

Пусть попляшут. И я, озираясь,
Возгорюсь на последнем цветке.
Позабыть, позабыть, не стараясь,
Ужас девушки в белом платке.

Я и так ей не нравился раньше,
На телегах веков грохоча.
Почему ж на Маринкиной башне
В ночь ухода сияет свеча?